

theory should engage in research functioning problems of structures, especially the "normative systems". This position will be supported by post-structuralism, which will send its theoretical interest in mainstream of research the institutional enforcement mechanisms to "morality." That is why the social theory in the functionalism and post-structuralism is necessarily complementary to the ethics. In other words, in the basis of structuralism and its methodological derivatives is laid postulate about the inherent desire of any system for self-preservation, the maximum coherence between the elements of its structure.

It's found that structural-functional analysis is mainly used in the framework of the theories of modern societies. The basis of these theories based on the idea over a wider economic framework within which it is possible to build alternative political and economic doctrines. This idea, according to Parsons, is clearly expressed by Weber and Durkheim. However, the primary aim of the updated structural analysis is the problem of social order, which provides research of irrationality of human behavior in society, and therefore the structuralist doctrine will be significantly augmented by the ideas of psychoanalysis.

It's indicated that the main problem of structural functionalism is the question of the effective institutionalization of the valuable space in terms of its general recognition, in particular internalizing behavioral norms that require penetration into the matter of various forms of social control.

В.В.ГЛАЗУНОВ

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Драматические события на юго-востоке Украины, которые стали логическим продолжением Майдана-2014, большинством экспертов оцениваются как самые критические за годы существования независимого государства. Действительно, состояние перманентного политического кризиса достигло своей кульминации, когда встал вопрос о дальнейшем существовании государства Украина, о ее суверенитете. При этом оценка событий с различных позиций далеко неоднозначна, ввиду сложности, комплексности явления, включающего в себя как элементы гражданской войны, так и элементы внешней агрессии. Поэтому для описания и анализа событий экспертное сообщество все чаще апеллирует к термину «гибридная война». Такая тенденция в определении указанного явления находится в русле современного мейнстрима – попытки описать сложные системы с позиций теории хаоса. Причем в таких попытках преобладает формальный подход, когда, несмотря на то, что модель, описывающая систему, является детерминированной, поведение системы представляется случайным.

Тем не менее, любая система поддается определенной систематизации, анализу, и т.п. Если представить происходящие события в виде процесса, то, очевидно, что к его описанию можно применить технологический подход. Другими словами, любой процесс можно разбить на технологические элементы и выделить: цели, задачи, принципы (стратегический ряд), средства, формы, методы, приемы, уровни и т.д. (тактический ряд). Такой подход предусматривает, прежде всего, определение главных участников процесса в качестве субъектов и объектов. Именно определение основных игроков в явлении «гибридной войны» на юго-востоке Украины, их интересов и возможностей, является **целью данной работы**. Такая попытка предполагает решения **ряда задач**, в частности:

1. Описание характерных моментов «гибридной войны», выделение общего и особенного.
2. Выявление причинно-следственных связей, лежащих в основании процессов «гибридной войны».
3. Установление субъект-объектных отношений в процессе гибридной войны, их закономерной обусловленности.
4. Выявление роли социальной группы олигархов в указанных процессах.

Очевидно, что в термине «гибридная война» присутствует как общее, так и особенное. Поэтому для определения особенного целесообразно несколько слов сказать об общем, т.е. о феномене войны. Достаточно системный анализ явления и различных взглядов на него приводит, в частности, Дидье Жюлиа [1]. В нем присутствует как раз технологический подход к процессу войны. Следует особое внимание обратить при этом на позицию самого автора, который сводит причины войн к «двум: 1) голод: до тех пор, пока рядом с богатыми нациями будут находиться нации зависимые, рядом с людьми, купающимися в роскоши, люди, испытывающие голод, будет существовать угроза войны. 2) политическая свобода: «война свята, – говорил Фихте, – когда под угрозой независимость – развитие культуры». Этот момент представляется особенно актуальным в контексте событий на юго-востоке Украины. Причины конфликта лежат в плоскости противоречий

между бедностью и богатством, а поводом конфликта являются «покушение на культурные ценности».

Нелишним представляется также вспомнить и традиционный диалектико-материалистический подход, в рамках которого «война – организованная вооруженная борьба между государствами (или группами государств), нациями (национально-освободительная или колониальная) или классами (гражданская война, свойственная антагонистическому классовому обществу» [2]. В рамках этого подхода «война есть продолжение политики» того или иного класса; и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов» [3]. Из этих определений представляется целесообразным выделить, с одной стороны, «вооруженность» столкновения, что является формальным признаком войны в традиционном ее восприятии. С другой стороны, сущность войны заключается в том, что она является продолжением политики определенной социальной группы в борьбе за власть, как возможность диктовать свою волю другим социальным группам. Другими словами, война является средством в достижении политических целей. Можно предположить, что специфика феномена «новой войны», войны в новых, изменившихся условиях, должна трансформировать свою структуру: изменить свою форму, оставив относительно неизменным свою сущность и содержание. Именно такие трансформации можно наблюдать, анализируя феноменологию гибридной войны.

Рассматривая явление гибридной войны, следует отметить, что в современной отечественной научной литературе имеются весьма скудные сведения по обозначенному вопросу. Исключение представляет С. Дацюк, системно работающий в этой сфере [4]. Гораздо больше имеется достаточно противоречивой информации на уровне масс-медиа. Большинство журналистов очень интенсивно вводят это понятие на уровень массового сознания, зачастую пользуясь им, больше как формальным, удобным, модным термином новояза, нежели термином, за которым стоит устойчивый образ на уровне общественного сознания.

Очевидно, что термин позаимствован из зарубежной литературы. Так Виктор Дьяченко констатирует: «термин «hybrid warfare» чрезвычайно популярен в последнее время в западных СМИ в контексте событий на юго-востоке Украины» [5]. Самое обобщенное представление предлагает соответствующая статья на Википедии [6], которая становится все более популярным источником информации при всей неоднозначности отношения к его достоверности и качеству. Обобщая указанную информацию, можно констатировать, что гибридная война отличается, прежде всего, комплексностью, т.е. сочетанием различных видов специфических военных действий; проявлением активности в нескольких сферах, направлениях и на различных уровнях; в разных масштабах; использованием различных форм, подходов, методов и приемов. Более того, именно широкая вариативность в выборе технологических структурных элементов является специфической особенностью рассматриваемого феномена. При этом особое внимание следует обратить на то, что большинство исследователей обязательно делают акцент на информационной составляющей гибридной войны. Информационная борьба, медийные войны, сетевые войны, кибервойны, пропаганда и контрпропаганда, информирование и дезинформирование – вот далеко не полный перечень ведения активных действий, основой которых является информационная составляющая. Можно высказать предположение, что ведущая роль именно информационной составляющей объясняется тем, что информационный ресурс является базовым ресурсом современной информационной эпохи. Именно этот ресурс является основным «конвертационным ресурсом», позволяющим перевести один значимый ресурс в другой и ускоряет весь процесс указанной конвертации. В свою очередь, скорость конвертации одного вида ресурса в другой является критерием эффективности приращения совокупного капитала или ресурсного потенциала. При этом необходимо помнить, что уровень совокупного капитала или ресурсного потенциала является базовым показателем, лежащим в основе многих явлений и процессов, определяющих их сущность. В частности, соотношение «относительный дефицит-избыток» общественно ценного ресурса определяет роли «субъекта» и «объекта», соответственно, во властных взаимоотношениях, т.е. в политической сфере. Субъектом становится сторона, обладающая относительным избытком социально значимого ресурса, объектом – сторона, испытывающая его дефицит.

Именно на этот момент указывают эксперты, когда определяют гибридную войну как метод действий в асимметричной войне [7]. То есть, гибридная война является вынужденной формой в том случае, когда в конфликт вступают стороны, имеющие различную структуру ресурсных потенциалов. Для того чтобы добиться благоприятного для себя исхода военного противостояния каждая из сторон старается предложить противнику «игру по своим правилам». При этом преследуется цель перевести

противостояние в ту плоскость, в ту сферу, тот масштаб, в котором у обозначенного участника имеется преимущество в соответствующем ресурсе. Необходимо заметить, что противник не всегда принимает выдвигаемые условия, а потому каждая сторона играет «свою игру», что и воспринимается субъективно как «хаос». С другой стороны, можно предположить, что «отсутствие принципов» при выборе основных технологических параметров также является системным принципом гибридной войны. Но это – лишь в общем случае. В каждом конкретном случае стороной выбираются именно те принципы, которые этой стороной воспринимаются как самые выгодные исключительно для нее. Более того, эта «выгода» носит исключительно ситуативный характер. С быстрым изменением многофакторной ситуации также быстро изменяется и оценка новой ситуации, а, соответственно, меняются и принципы построения всей технологической цепочки проведения гибридной войны. Таким образом, можно предположить, что успех в гибридной войне во многом обеспечивается за счет мобильности в оценке и соответствующей корректировке элементов технологии ее проведения.

Особое внимание следует обратить на то, что при организации соответствующей гибридной активности ее организаторам приходится стремительно изменять задачи, а затем, в соответствии с задачами, и весь технологический ряд военных действий. При этом неизменной должна оставаться стратегическая цель организатора (технолога) процесса. Это замечание особенно актуально в том случае, если организатор-технолог сопряжен и встроен в различные системы, в системы различных сфер и уровней. В этом случае он неизбежно вынужден субъективно ранжировать эти системы по приоритетности в соответствии со своими субъективными представлениями о ценности этих систем.

Нельзя не заметить и еще один важный момент. При ближайшем рассмотрении тех технологических элементов, которые вводятся в действие в процессе гибридной войны, можно отметить их относительную традиционность: они «обновляются» лишь за счет составляющей технического прогресса – прежде всего, происходит изменение средств ведения боевых действий. В связи с этим изменяются, приемы, методы, формы, а, соответственно, и стратегия, и тактика. Но это присуще процессу развития и «традиционной» войны. Поэтому можно заметить, что «дополнительная специфика» гибридной войны, в основном, задается новизной сочетания технологических элементов. «Эффект хаоса» на уровне восприятия как раз и формируется за счет относительной необычности такого сочетания. Можно провести аналогию с восприятием сюрреалистической картины: традиционные, реальные предметы и нетрадиционные, нереальные связи между ними.

Все обозначенное выше в полной мере относится к современной ситуации в Украине, к процессам, происходившим в Крыму и на Донбассе. Причем комплексный характер этого явления именно в украинских условиях требует отдельного многогранного изучения. В рамках этой статьи хотелось бы обратить внимание лишь на отдельные важные моменты.

Весьма актуальным представляется вопрос о субъектах гибридной войны. Субъективная оценка экспертов в этом вопросе разнится в зависимости, с одной стороны, от того, какой уровень гибридной войны рассматривается, с другой стороны, следует учитывать идеологическую заангажированность эксперта. Анализ процесса ведения гибридной войны на разных уровнях позволяет выделять субъектов-инициаторов, организаторов, манипуляторов, движущие силы и т.д. на конкретном уровне. Однако на другом уровне те же социальные группы выступают в качестве объекта, средства в решении задач субъектов более высокого уровня. Так, современный украинский конфликт оценивается некоторыми экспертами в качестве гражданской войны, т.е. борьбы между различными социальными группами. Причем здесь также присутствуют разночтения: борьба «про-европейцев» против «про-азиатов» (продолжение Евромайдана); «регионов» против «центра» (за децентрализацию); одних олигархических группировок против других; «русских националистов» против «украинских националистов» и т.д.

Этот же конфликт рассматривается на межгосударственном уровне как конфликт между двумя субъектами: Россией и Украиной; либо как конфликт между США и Россией (а Украина – «поле боя», «разменная монета», «средство в чужих руках» и т.п.).

С другой стороны, конфликт может рассматриваться как продолжение борьбы транснациональных конгломератов за сферы влияния. В этом случае уже государства и союзы государств выступают в качестве средства для достижения корпоративных целей игроков геополитического масштаба.

В другом измерении этот конфликт служит проявлением цивилизационной борьбы: ведь для Украины это – цивилизационный выбор. Кроме того, одновременно, он имеет религиозно-конфессиональную составляющую. В целом же, этот уровень может быть определен как уровень

духовно-парадигмальний. При этом, стоит заметить, что в рамках работы умышленно упускается из вида, так называемую, «конспирологическую составляющую».

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что Украина в рамках глобальной гибридной войны, одновременно, но на разных уровнях, является и субъектом, и объектом, и средством, и тактической задачей («завоевания»), и стратегической целью, но с позиций различных участников процесса! Соответственно, в зависимости от уровня или системы, выбранной в качестве объекта или предмета исследования, экспертами фиксируются различные субъекты процессов в гибридной войне. При этом, необходимо заметить, что противостояние между ними происходит с разной интенсивностью, но на всех уровнях одновременно. Кроме того, в гибридной войне очень важную роль играет субъективный фактор – момент наиболее полного и адекватного осознания происходящего. Именно от уровня осознания участниками (потенциальными субъектами) процесса гибридной войны зависит то, какую роль они предлагают в ней той системе, которую представляют.

Так, в оценке относительно современной ситуации в Украине, большинство экспертов традиционно исходят из того, что Украина в определенной степени достигла своего политического идеала – демократии. В этом случае основным действующим лицом, в том числе и субъектом выступает народ, в лице государства, в виде законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Однако, следует заметить, что оценка ситуации претерпевает значительные изменения в случае, если Украину рассматривать в качестве олигархии или олигархоцентрической системы [8], т.е. социально-политической системы, в которой все институты государственной власти и сегменты гражданского общества находятся в жесткой финансово-экономической зависимости от социальной группы олигархов. В этом случае, основным действующим лицом, в том числе, и субъектом на определенных уровнях гибридной войны, выступают олигархические кланы, персонализированные в образах конкретных олигархов. При этом и государство, и гражданское общество (народ Украины), являются средствами олигархических группировок в достижении своих, прежде всего, экономических целей. Но тогда олигархическая составляющая придает значительную специфику каждому технологическому элементу гибридной войны, принципиально меняет акценты в ее оценке.

В частности, Украина вошла в гибридную войну, не имея четкой стратегической цели. Под предлогом деидеологизации, выгодной олигархам, Украина, в отличие от той же России или США, не заявила о своей роли и о своем месте на геополитическом уровне. Более того, такая «неопределенность» все годы независимости Украины была обусловлена разной направленностью приоритетов, векторов, в экономических связях ведущих украинских олигархических кланов. Отсутствие парадигмы, концепции, философии, миссии, понижает рейтинг Украины, как системы, и не позволяет выйти на высшие уровни ведения геополитики, в том числе и на высшие уровни ведения гибридной войны. Это автоматически сокращает перечень процессов, где Украина выступает в качестве субъекта, автоматически превращаясь в цель, задачу, средство, объект в руках других участников. Естественно, эта «ущербность» сразу же проявляется в «момент истины», коим является военный конфликт.

События на юго-востоке страны стали логическим продолжением Майдана-2014, который, в свою очередь, имеет ярко выраженную олигархическую составляющую. В этом контексте Майдан-2014 можно рассматривать как повод для развертывания дальнейших событий на юго-востоке. А вот причины у них одни – вопиющее несовершенство сформированной социально-политической системы, или как было указано выше – олигархии. В данном контексте Майдан-2014, как и Майдан-2004, можно в целом охарактеризовать тем, что объективно существующая революционная ситуация была сведена к верхушечному перевороту. Другими словами, революционным порывом масс воспользовалась группа олигархов, которая оттеснила другую группу олигархов от политической власти для передела сложившейся системы собственности на орудия труда и средства производства, оставив систему в целом без изменения. При этом каждая из олигархических группировок в процессе Майдана в той или иной степени апеллировала к различным субъектам геополитического уровня, в расчете на дополнительную ресурсную поддержку во внутрисистемной борьбе. В этом смысле вооруженный конфликт на Донбассе является результатом указанной олигархической апелляции к внешним ресурсным источникам, субъектам мировой политики. Как раз этот момент является краеугольным в осознании того, как олигархическая Украина превращается из потенциального субъекта геополитики в объект, по факту. Отсутствие геополитической концепции развития Украины, а, как следствие, и отсутствие конкретных шагов по ее реализации, не позволили воплотиться потенциальной возможности для Украины и стать геополитическим игроком. В данном случае, вполне адекватным представляется допущение: цель украинских олигархов – не построить собственное суверенное государство как относительно самодостаточную систему, а встроиться на

более высокий уровень в более глобальной системе, используя собственное государство в качестве плацдарма, трамплина, т.е. средства в достижении обозначенной цели. Пожалуй, самым ярким примером такой позиции является «многогранная» активность Виктора Пинчука, который в большей мере является «человеком мира», чем «гражданином Украины», и который в контексте современного военного противостояния «выпал из поля зрения»!

На уровне задач гибридной войны также имеется своя олигархическая специфика. В частности, передел сложившейся системы закрепления орудий труда и средств производства в определенной системе собственности возможен, в том числе, и по результатам войны. И такую возможность лучше всего осознают олигархи, как социальная группа имеющие эксклюзивные возможности для соответствующего анализа ситуации. В таком случае, именно формат гибридной войны также выгоден, прежде всего, олигархам, что ими прекрасно осознается. Ведь этот формат позволяет, с одной стороны, проводить реальные военные действия, а, с другой стороны, максимально не прекращать производство, не разрывать торговые связи, традиционные производственно-экономические связи, что минимизирует потери прибыли. Причем, стоит заметить, что олигархическое государство проводит такую же гибридную политику – в частности, власть не делает логичных радикальных действий, лишь бы не прекратилось внешнее финансирование. Вопрос о перераспределении ресурсной базы между различными социальными группами и классами внутри системы не ставится. Напротив, боевые действия являются прекрасной ширмой для того, чтобы скрыть тот факт, что происходит борьба за передел собственности между олигархическими кланами. Более того, олигархическое государство в этих экстремальных условиях паразитирует на патриотических чувствах граждан. В частности, оно «играет во всеобщую мобилизацию», которая касается всех, кроме олигархов и их окружения. Все затягивают пояса, кроме них. Их промышленно-экономические схемы, приносящие прибыль, продолжают работать «не замечая» линии реального фронта! Стоит отметить, что в целом манипуляция с общественным сознанием пока идет «вполне успешно» для олигархов. Исключением из правил можно считать редкие адекватные оценки происходящего, например, Нины Матвиенко, заявившей, что «сегодня в зоне АТО идет борьба не за Украину – это клановая борьба Ахметова, Порошенко, Коломойского и других, «защищающих свой бизнес кровью наших ребят» [9].

Что касается принципов, то, как уже было сказано выше, основной системный принцип гибридной войны – это «отсутствие принципов». В конкретном случае, в Украине, этот системный принцип уточняется: «отсутствие принципов ради решения корпоративных задач и достижения корпоративной цели олигархической группы». Для всех остальных социальных групп принципы, в виде олигархического Закона, должны неукоснительно соблюдаться. Достаточно вспомнить многочисленные судебные разбирательства «о дезертирстве» в условиях официально необъявленной войны. В то же время, например, олигарх Игорь Коломойский может себе позволить пошутить о том, что украинский закон запрещает двойное гражданство, но не запрещает тройного [10].

Стоит также обратить внимание на еще один показательный принципиальный момент: в современной ситуации украинцам не «раздают оружие», что также указывает на то, что государство не демократическое, а олигархическое. Оружие не раздается по вполне обоснованной и объективной причине: оно с высокой степенью вероятности будет направлено не против внешнего противника, а против внутреннего – классового.

Особо следует обратить внимание на так называемый «принцип главного звена» гибридной войны, ухватившись за которое, можно вытянуть всю цепь. В контексте данной работы, очевидно, что речь идет об информационной составляющей, т.к. информационный ресурс – ведущий ресурс эпохи. Информационная составляющая присутствует во всех технологических элементах гибридной войны. Вот ей как раз и необходимо уделять наибольшее внимание, на нее необходимо делать ставку. Украина в этом отношении во многом проигрывает основным участникам гибридной войны, как временным союзникам, так и временным противникам, в особенности России!

Специфика гибридной войны в отношении выбора направлений заключается в комплексности – в ее ведении, по возможности, в широком спектре направлений. В общем, этот момент в Украине присутствует и соблюдается. Но и здесь необходимо обратить внимание, что, например, направление «народной дипломатии» практически отсутствует, хотя представляется наиболее эффективным. Очевидно, что в условиях, когда основное оружие – пропаганда, то основным оружием в борьбе с пропагандой может стать контрпропаганда. При этом эффективность контрпропаганды возрастает многократно при условии выполнения условия «адресности», т.е. тщательного сегментирования аудитории. Второе условие повышения эффективности такой работы – уровень доверия возрастает

«к своим» (т.е. шахтеры верят шахтерам, врачи – врачам и т.д.). Этот сегмент информационного ресурса в Украине практически не задействован.

В отношении выбора методов гибридной войны подход остается прежним: чем шире спектр методов, тем успешнее реализуется проект для достижения цели – возрастает вероятность успеха для субъекта. Но это – в общем. В конкретном же случае украинской гибридной войны можно констатировать, что олигархам выгодно искусственно суживать спектр, т.е. показывать и акцентировать внимание на ту его часть, которая выгодно презентует именно позицию, которую занимает именно данный олигархический клан. В целом же, следует заметить, что доминирует метод – далеко не научный, более того, антинаучный – «идеологизированный», т.к. присутствует идеологический корпоративный олигархический заказ. Ярким подтверждением этого является хотя бы оценка описываемого конфликта, которая сводится, с одной стороны, исключительно к гражданскому конфликту внутри страны (гражданской войне), с другой стороны, – исключительно к внешней интервенции. Совершенно очевидно, что на самом деле присутствует и та, и другая составляющая. Однако такая «однобокость» в оценке связана с «разной векторностью» интересов олигархических кланов, вступивших в борьбу, а, как следствие – различное освещение событий в подконтрольных олигархам СМИ.

Средства гибридной войны определяются в каждом конкретном виде составляющих войны, в связи с ее спецификой. Успешность, эффективность и результативность всей гибридной войны в целом также во многом зависит от того насколько задействованы все возможные средства. Даже, на первый взгляд, Украина недооценивает сам принцип «использования всех средств и в полном объеме». Однако, это тоже продиктовано олигархической корпоративной установкой – используется все то, что выгодно конкретному олигарху, в конкретной ситуации, даже, если это входит в противоречие с интересами большинства населения, т.е. с демократическим основанием системы.

Следовательно, основной момент, на который стоит отдельно обратить внимание: народ со своим патриотическим подъемом используется как средство в достижении олигархических целей. Народом умело манипулируют, направляя его энергию (например, патриотического подъема на юго-востоке; либо жажды социальной справедливости – на Майданах), в нужное олигархам русло. Этой цели служит соответствующая олигархическая система институтов, включая, силовые государственные структуры, олигархические СМИ, зависимые политические партии, подконтрольные профсоюзы и т.п.

Особым изобилием и разнообразием характеризуются приемы гибридной войны. Этот атрибут тактики в контексте гибридной войны должен быть нестандартным. В этом случае многократно повышается его эффективность. Так, в целом, можно согласиться с С. Дацюком, который предлагает совершенно нестандартный (инновационный) подход в разрешении конфликта Украина-Россия [11]. При этом стоит обратить особое внимание на то, что большинство экспертов сходятся во мнении, что Украина по своему ресурсному потенциалу не способна выиграть войну против России самостоятельно. Однако, воспользовавшись нестандартными приемами, можно уравнивать шансы. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что украинской стороной практически не используется потенциал украинской диаспоры в России.

Из всего вышесказанного следует несколько обобщающих заключений: в гибридной войне необходимо очень четко представлять истинные, а не декларативные, стратегические цели всех участников. Выбирая тактических союзников, необходимо четко представлять себе не только тактические, но и стратегические последствия. Чем чаще происходит оценка быстро изменяющейся ситуации, происходит сверка со стратегическими целями и промежуточными прогнозируемыми индикаторами, чем чаще вносятся соответствующие коррективы в тактику, тем выше вероятность успеха в стратегии гибридной войны. Характерным является кардинальное изменение технологической модели процессов на разных этапах процесса гибридной войны. Так, анализ модели процессов на первом этапе конфликта на Донбассе позволял охарактеризовать действия как «террористическую деятельность». Через два месяца ситуация кардинально изменилась, а Украина продолжает «жить в формате АТО».

Особый интерес представляет собой связь наших олигархических кланов с внешними геополитическими игроками, представителями транснациональных компаний, которые, по существу, являются олигархическими структурами более высокого, глобального порядка. В этом случае даже конфликт Россия-США переводится в другую плоскость, т.к. при таком подходе даже такие государства-гиганты становятся средством в достижении глобальных олигархических результатов.

В любом случае, из всего вышесказанного можно сделать заключение, что во всех структурных элементах гибридной войны присутствует явная олигархическая составляющая: весь ход и характер

процесса гибридной войны задается интересом названной социальной группы. Олигархи играют ведущую системную роль в формировании гибридной войны как соответствующего специфического процесса. Это – объективная сторона.

Однако необходимо обратить внимание и на субъективную сторону гибридной войны, а именно, на момент восприятия этого явления на уровне общественного сознания. При этом следует заметить, что во многом образ гибридной войны сформирован олигархическими СМИ. Характерно, что в большинстве случаев акцент делался на «новизне» явления гибридной войны: постоянно подчеркивается, что Украина к такой новизне не готова, новизна отождествляется с вероломством противника и т.п. На самом деле, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что указанная «новизна» довольно относительна. В. Дьяченко достаточно убедительно доказывает, что при ближайшем рассмотрении, каждый элемент гибридной войны в Украине, будь то средство, прием, метод или форма, имеют достойный аналог в истории [12]. Новым, по факту, является лишь конкретная их комбинация! Более того, несложно заметить, что указанная «новизна» является идеологически заданной. В частности, новизна в большой мере является проявлением новых акцентов и новой «исследовательской позицией» в рассмотрении явления. Так, если раньше раздельно рассматривались дипломатия и непосредственные военные действия, то сейчас предлагается рассматривать эти сферы в качестве элементов одного процесса гибридной войны, различных его стадий.

Но и здесь можно проследить олигархическую составляющую. Именно на «новизну» можно списать неудачи и промахи в ведении гибридной войны, спрятать истинные цели, отсутствие решительных мер и действий, которые потенциально могли бы нарушить модель, выгодную олигархам!

Несложно сделать вывод о том, что в процессе гибридной войны олигархи заинтересованы в эксклюзивном доступе к информации, т.к. изначально создают закрытую информационную систему. Это их корпоративно-групповая установка, продиктованная узкокорпоративными групповыми интересами. Другими словами, особенность в субъективном восприятии гибридной войны, «новизна», является идеологическим обоснованием необходимости именно такой войны. Это корпоративный заказ на манипуляцию общественным сознанием со стороны олигархической социальной группы.

Основной объективный момент: гибридная война, происходящая в Украине, имеет глубоко антинародную, т.е. антисоциальную сущность, т.к. ее цели и задачи отвечают интересам сверхмалой социальной группы олигархов (и обслуживающих их бюрократов), находясь в системном противоречии с интересами подавляющего большинства, которое составляют остальные социальные группы.

Таким образом, анализ феномена гибридной войны в Украине позволяет сделать заключение о том, что специфический характер явлению задается интересами олигархических структур различного уровня, которые пытаются реализовать свои экономические цели (получить сверхприбыль), используя наиболее широкий спектр ресурсов в борьбе за доступ к еще большему объему ресурсов. Украинские олигархические структуры являются связующим звеном, проводником и выразителем интересов олигархических структур более высокого глобального уровня. Основным средством в этой борьбе выступает главный ресурс эпохи – информационный, на который олигархи пытаются отвоевать монопольное право. Все выше изложенное дает основание вести речь об олигархическом дискурсе гибридной войны в Украине, как о неизменно присутствующей олигархической составляющей во всех ее элементах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дидье Жюлиа. Война. Философский словарь. Пер. с франц.- М. Междунар. Отношения, 2000. – 554 с.
2. Философская Энциклопедия. В 5-ти т. // Под ред. Константинова В.Ф. – М.: Советская энциклопедия, 1960-1970 г.г. – Режим доступа к статье: <http://terme.ru/dictionary/1019130/word/voina>
3. Ленин В.И. Соч. 4 изд., Т. 26, с. 135-136.
4. Например: Дацюк С. Стратегия победы Украины в войне с Россией – Режим доступа к статье: <http://hvylyya.net/analytics/geopolitics/strategiya-pobedyi-ukrainyi-v-voyne-s-rossiey.html>
5. Дьяченко В. «Гибридная война» как следствие склероза – Режим доступа к статье: <http://www.from-ua.com/articles/324689-gibridnaya-voina-kak-sledstvie-skleroza.html>

6. Гибридная война – Режим доступа к статье: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибридная война](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гибридная_война)
7. Ассиметричная война – Режим доступа к статье: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Ассиметричная война](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ассиметричная_война)
8. Подробнее: Глазунов В.В. Олигархические трансформации : монография / В.В. Глазунов. – Запорожье : КПУ, 2011. – 363 с.
9. Матвиенко Н: В зоне АТО идет клановая борьба. – Режим доступа к статье: <http://inpress.ua/ru/politics/38168-nina-matvienko-v-zone-ato-idet-klanovaya-borba-video>
10. Коломойский признался в тройном гражданстве. – Режим доступа к статье: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_kolomojskij-priznalsya-v-trojnom-grazhdanstve/584512
11. Дацюк С. Стратегия победы Украины в войне с Россией. – Режим доступа к статье: <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/strategiya-pobedyi-ukrainyi-v-voyne-s-rossiey.html>

SUMMARY

This article is devoted to the phenomenon of hybrid war. Based on the fact that the military actions can be represented as the particular process, it is proposed to analyze the phenomenon on the technological approach. In addition, the study of the phenomenon does not occur within the traditional "democratic paradigm", and based on the assertion that in modern Ukraine the model of social and political order with an oligarchs in the center was formed. All state institutions and segments of civil society are in a tough financial and economic dependence from the social group of oligarchs.

The goals, objectives, principles, directions, forms, methods and techniques of conducting hybrid warfare are discussed. The general and the particular to the phenomena of the conventional war and the hybrid war is determined. Focuses on the complex nature of the phenomenon, its layered structure. In this connection, emphasizes the fact that the main actors of the war at different levels perform different roles, which is fixed by experts who analyze the situation. In particular, Ukraine can be considered as the subject of a hybrid war at the regional level, but it also becomes the purpose and the object as to the subjects of higher geopolitical level.

In general, the phenomenon of hybrid war characterized by a lack of principles in building of the technological process. In the specific case of Ukraine, the lack of clear principles in the organization of the process dictated by economic interests of oligarchic clans that joined the struggle for the redistribution model in securing ownership of tools and means of production. Other elements of the process of the hybrid war are serve the implementation of the corporate interests of the oligarchs.

In addition, the Ukrainian oligarchic structures are the link, the conductor for the interests of oligarchic structures of higher global level. The main tool in this struggle is the information - the main resource of the era, on which the oligarchs try to win a monopoly. Thus, we can talk about the oligarchic discourse of the hybrid war in Ukraine, as invariably present oligarchic component in all its elements.

В.О. СКВОРЕЦЬ

УКРАЇНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО: ДО ТА ПІСЛЯ ЄВРОМАЙДАНУ

Проблема дослідження стану сучасного українського суспільства постає як визначальний чинник оптимізації всієї системи управління тими процесами, що відбуваються в ньому, тобто як основна передумова проведення системних реформ. При цьому слід зазначити, що ґрунтовних досліджень, які розглядають українське суспільство як цілісний соціальний організм та аналізують основні тенденції його розвитку, не так вже й багато. До таких досліджень відносяться твори В.П. Беха, В.М. Гейця, В.Г. Кременя, М.А. Павловського, М.І. Сенченка, О.С. Шнипка, М.О. Шульги та деякі інші публікації. До аналізу цієї проблеми долучився і автор цієї статті, досліджуючи феномен життєустрою народу [8].

В умовах динамічних змін в українському суспільстві постає все більше проблем із пошуком надійних методологічних засад дослідження основних змін і тенденцій його розвитку. Більшість вітчизняних суспільствознавців визнають системну кризу як визначальну рису розвитку українського суспільства періоду незалежності. Автором цієї статті було обґрунтовано концепцію життєустрою народу як основи моделювання соціального організму країни. Як засвідчують події останнього року, пов'язані із крутим зламом в житті України, методологія життєустрою народу не лише не поступилася конкуруючим методологічним засобам, але й набуває ще більшої актуальності, адже